

Дуань Лин потратил целый день на то, чтобы пройти с У Ду оставшуюся половину маршрута. Когда наступил вечер и все солдаты вернулись, Дуань Лин жевал свой сухой паек и смотрел на карту у костра.

— Есть идеи? — спросил У Ду Дуань Лин.

— Пока нет, — У Ду уже решил оставить попытки избавиться от Теневой стражи. Он спросил Дуань Лина:

— Нашел что-нибудь?

Дуань Лин показал У Ду карту. На ней были отмечены часовые вышки, найденные подчиненными Сунь Тина, в общей сложности их было двенадцать на территории двух городов, где раньше располагались деревни, и этого было далеко не достаточно, чтобы сделать цепочку дымовых сигналов.

— Мало, — сказал У Ду. — Некоторые из них расположены слишком далеко друг от друга.

— Если их недостаточно, мы можем построить еще. Вот здесь и здесь; все эти позиции находятся в горах. Мы можем поставить шатры на каждом из этих мест и использовать их как маяки. Они смогут подавать друг другу сигналы между часовыми в горах, ударяя в гонги — у нас будут и дымовые сигналы, и сигналы гонга.

Монгольские лошади не были приспособлены для передвижения по горным тропам, а южная сторона Сюньшуй изобиловала бесплодными холмами, что делало ее подходящей для строительства часовых вышек. Таким образом, сочетая звуковые и дымовые сигналы, они смогут определить, откуда вторглись монголы.

А значит, он действительно нашел решение большой проблеме, тяготившей его сердце.

Сразу после возвращения Дуань Лин решил наметить места для часовых башен, остановившись на тридцати постах с пятью солдатами на каждом. Часовые, расположенные на равнинах, смогут даже сами выращивать еду, чтобы пополнять рацион.

На следующий день он и У Ду прибыли в Хэцзянь. Он видел, что У Ду был слишком напряжен, следил за малейшим намеком на опасность и постоянно находился на взводе.

— Господин Ван.

Лейтенанта Цинь звали Цинь Лун, он поклонился Дуань Лину.

На днях он уже однажды получил выговор от У Ду. У Цинь Луна были густые брови и большие

глаза, и выглядел он довольно солидно. Он привел с собой подчиненных, чтобы лично извиниться перед Дуань Лином, и даже приготовил еду и горячую воду, чтобы Дуань Лин и У Ду могли отдохнуть после путешествия.

В Хэцзяне было гораздо оживленнее, чем в Е. Когда-то это был стратегический город Хэбэй, расположенный на границе с Ляо, а в центре города находилось поместье коменданта — официальная резиденция У Ду. Чтобы бороться с киданями и ускорить переброску войск, комендантское поместье постоянно находилось в Хэцзяне. Но никто не мог предположить, что с годами, пока границы перемещались туда-сюда, в передовую каким-то образом превратится Е.

— Вообще-то вы неплохо справляетесь с обороной Хэцзяня, — произнес Дуань Лин, вытирая руки горячим полотенцем.

Неподалеку стоял Цинь Лун и лично прислуживал ему.

— Вы мне льстите, мой господин. Это только потому, что монголы не часто проходят через Хэцзянь.

Хэцзянь не был похож на Е; до того как последний комендант погиб в бою, два города были по сути независимы друг от друга. Номинально городские военные подчинялись коменданту Хэцзяня, но на самом деле они были частной армией Цинь Луна. Как только Дуань Лин познакомился с ним, он уже понял, что тот был расчетлив, и обязательно будет перед ними выслуживаться, одновременно действуя против них за их спинами. Кто знает, может быть, он увидел Дуань Лина и У Ду с вершины городской стены гораздо раньше той ночью и просто решил потянуть время.

Когда этой весной в город вторгся Угэдэй, прошлый комендант повел свою армию в бой, но в итоге не смог продержаться до прибытия подкрепления и погиб в руках врага.

Если бы не приехал У Ду, то наиболее достойным для должности главного коменданта был бы Цинь Лун.

— Где магистрат? — неожиданно спросил У Ду.

Дуань Лин знал, что У Ду тоже это почувствовал: хотя Цинь Лун был лейтенантом, с практической точки зрения он, по сути, был правителем Хэцзяня. Когда он вышел поприветствовать губернатора и главного коменданта, магистрат не явился, и единственным человеком, принимающим их, был Цинь Лун. Скорее всего, Цинь Лун отправил этого магистрата на какое-то задание, чтобы тот не мешался.

Рано или поздно ему придется избавиться от Цинь Луна, но он не мог просто достать саблю и зарубить его прямо сейчас — он должен был выяснить, какие меры борьбы были у Цинь Луна против них. Хотя избавиться от него было бы проще простого, но и он сам, и У Ду были

слишком заняты, и у них не было возможности тратить время на Хэцзянь.

Как они и ожидали, Цинь Лун ответил:

— Господин Линь покинул город, чтобы осмотреть деревни. Он не знал, что вы с генералом приедете, поэтому я уже послал за ним гонца.

Хорошо, я позволю тебе еще немного поддержать власть. Как только закончу с делами здесь, вернусь и позабочусь о тебе, задумался Дуань Лин.

Второй лейтенант чувствовал себя неважно и остался дома.

У Ду не стал допытываться об этом, а лишь расспросил Цинь Луна об организации его армии, жалованье солдат, снабжении, переброске личного состава и так далее. В отличие от людей из Е, Цинь Лун не жаловался на бедность, а когда они подняли вопрос о провианте для армии, он лишь сказал им, что мог позаботиться об этом самостоятельно.

— У вас его достаточно? — спросил Дуань Лин.

— О, нам хватает, — улыбнулся Цинь Лун. — Я не вправе просить вас пополнять запасы провизии для армии из собственного кармана, господин. За последние несколько лет в Хэцзяне нам не приходилось много воевать, так что мы кое-как можем прокормиться и на том, что у нас есть.

— Если не будет хватать провизии, то вам придется прибегнуть к помощи, — произнес Дуань Лин. — Командующий Цинь, в таком случае не стесняйтесь обращаться с просьбами.

— Господин Ван, вы заботитесь о людях, как о своих собственных детях, и это большая удача для Хэбэя. И теперь мы можем надеяться только на то, что вы как можно скорее переедете в Хэцзянь и воплотите свою политику в жизнь, чтобы она принесла пользу людям. Этого бы хотели все.

Дуань Лин ответил:

— Перенести поместье губернатора было намерением прежнего господина Люй. Теперь, когда стал губернатором я, у меня, естественно, нет планов по переезду.

Бывший губернатор не раз жаловался, что расположение Е было слишком неудачным, а песчаные бури слишком суровы, поэтому он надеялся переехать в Хэцзянь. Но бумажная волокита туда-сюда занимала слишком много времени, а губернатор к тому же хотел вернуться в столицу, поэтому дело затянулось, так и не дойдя до конца.

Цинь Лун ни за что не хотел бы, чтобы Дуань Лин переводил управление Хэбэя из Е в Хэцзянь, он говорил это только для того, чтобы узнать его мнение, а Дуань Лин тоже не стремился к переезду. Однако его раздражало, когда подчиненный таким образом демонстрировал свои умственные способности. Одно дело, если бы он был вышестоящим или равном по чину — ещё куда ни шло, но он был мелким офицером, командующим двумя тысячами солдат, которые охраняли отдаленную границу в этом захолустном городишке. К чему эти игры?

— Вы бы не хотели, чтобы вас перевели обратно в столицу, господин Цинь? — Дуань Лин подумал о том, что, возможно, было бы неплохо написать письмо весной и отправить его в столицу. Он мог запросто назначить одного из лейтенантов из Е в Хэцзянь.

Но, к его удивлению, Цинь Лун не только не ответил на его вопрос, но даже перевел вопрос на Дуань Лина.

— А вы хотите, чтобы вас перевели обратно в столицу, господин Ван?

Дуань Лин молча размышлял над этим вопросом; у него внезапно возникло ощущение, что Цинь Лун говорил между строк. Возможно, с этим парнем будет не так просто иметь дело, как он себе представлял.

— Срок службы столичного чиновника составляет три года, — сказал Дуань Лин. — Рано или поздно мне придется уехать.

— Но вы можете не возвращаться, — Цинь Лун обеими руками взял чашку с чаем и вежливо поставил ее перед Дуань Лином. — Для столичного чиновника срок службы в три года — всего лишь клочок бумаги. Все стремятся в процветающие и богатые края, никто не хочет ехать в глухую нищую деревню. К тому же Е — приграничная территория, а приграничные города всегда отличались послаблениями — трехлетняя ротация, установленная для смены должностей, здесь не действует.

Дуань Лин не мог не признать, что у него не было возможности опровергнуть слова Цинь Луна.

— Когда господин Люй был губернатором, он каждый день мечтал вернуться в столицу. У него не было намерения обосноваться здесь. Теперь же, когда вы здесь, господин Ван, если вы хотите остаться надолго, это будет совсем не плохо. Как только я увидел вас, господин, сразу понял, что вы прагматичный человек.

Дуань Лин понял, что пытался сказать ему Цинь Лун, — рано или поздно тебе тоже придется уехать. Все приезжают сюда, чтобы занять государственные посты, а сами думают о том, как вернуться обратно. И рано или поздно им придется уехать.

Они даже не могли пообещать, что останутся здесь надолго, и рассматривали это место лишь как плацдарм для дальнейшего продвижения по службе и обогащения, так как же они смогут хорошо работать на посту губернатора?

— Вы совершенно правы, — Дуань Лин сцепил руки и грациозно поклонился в пояс. — Я всегда буду помнить ваши слова.

Теперь настала очередь Цинь Луна удивляться: в конце концов, он был подчиненным Дуань Лина, и то, что он сказал, было не более чем клише и бессмысленными формальностями, которые служили лишь для того, чтобы немного польстить собеседнику.

«Даже если вы собираетесь проработать здесь всего три года, мы все надеемся, что вы останетесь», — тот, кто говорит такое, вовсе не имел это в виду, а тот, кто слушал, не воспринимал всерьез. Все это принималось с улыбкой и быстро забывалось. Он и подумать не мог, что самый молодой губернатор города в истории сумеет уловить в них какой-то иной смысл.

— Вы еще очень молоды, господин, — улыбнулся Цинь Лун. — Уверен, вас ждет блестящее будущее.

У Ду встал и сказал ему:

— Раз уж господин Линь еще не вернулся, передайте ему наши слова. Мы пока отбываем. В остальном продолжайте в том же духе. Через несколько дней монголы придут осаждать нас, и по возвращении у меня будут указания. Поговорим еще раз, когда соберемся вместе и будем работать сообща, чтобы преодолеть все трудности.

Цинь Лун удивленно произнес:

— Монголы нападут на город? Откуда вы это знаете?

У Ду слышал, как Дуань Лин рассказывал о том, что Бату хвалился захватить Е за десять дней, а также подробно расспросил Дуань Лина о личности Бату. От него У Ду узнал, что тот всегда держал свое слово и всегда был таким. Прошло уже четыре дня. Осталось еще пять с половиной дней.

— Письмо придет завтра, — У Ду не стал ничего объяснять. — Придется поторопиться.

Цинь Лун хотел бы, чтобы Дуань Лин остался в городе хотя бы на одну ночь, но У Ду отмахнулся от этой идеи, сказав, что в этом нет необходимости. Цинь Лун добавил:

— В горах за городом есть горячий источник, и это как раз самое то, чтобы смыть усталость.

У Ду, казалось, проникся этой идеей, но Дуань Лин был по уши занят, поэтому ему не стоило задерживаться. Он утащил У Ду и с улыбкой произнес:

— Мы придем в другой раз.

Сейчас Дуань Лин начал испытывать некоторую симпатию к этому умному человеку, но как он будет относиться к нему в будущем, пока было неизвестно.

— Он тебе не нравится? — Дуань Лин и У Ду вместе ехали на Бэнь Сяо впереди остальных.

— Не очень, — ответил У Ду. — Слишком хитрый. Когда он говорит, постоянно намекает на что-то еще.

Глаза У Ду блуждали, он постоянно осматривал каждую сторону дороги в направлении Хэцзяня и наблюдал за людьми поблизости. Хэцзянь на вид был лучше, чем Е, но простолюдины по сравнению с ним выглядели еще беднее. Один за другим одетые в лохмотья люди наблюдали за ними с того места, где они расположились на обочине дороги.

Иногда он даже видел мужчин, сидящих на краю дороги и наслаждающихся ветерком. Несмотря на то, что они были в расцвете сил, им было за тридцать и сорок, они не работали на полях.

— Лентяи, — произнес Дуань Лин. — Ты что-то заметил?

— Чувствую запах разбойников. Заглянем вон в тот трактир.

Они проходили мимо трактира, внутри которого располагались крепкого телосложения мужчины, не похожие ни на солдат и ни на простолюдинов, которым тоже нечем было поживиться. Сбившись в кучу, они распивали вино. Дуань Лин чувствовал, что власть в Хэцзяне принадлежала Цинь Луну, и все эти годы, пока он был у руководства, он держал в городе много бездельников. Вполне вероятно, что он вступил в сговор с местными разбойниками — или даже можно сказать, что Цинь Лун сам являлся главарем здешних бандитов.

— Мы займемся ими как-нибудь в другой раз, — произнес У Ду. — Навестим Янь Ди, когда вернемся. Пошли!

Бэнь Сяо помчался вперед, оставляя перед личной охраной Дуань Лина облако пыли. Они проезжали мимо горных лугов с колышущей травой и обходили заросшие колючками тропинки. Прошло всего полдня, и к сумеркам они достигли Е.

— Позовите Янь Ди, — сказал У Ду. — Мы немедленно начинаем строительство башен-маяков.

У Ду обвел точки на карте одну за другой и дал указания Янь Ди. Тот громко засмеялся, глядя на карту, и показал У Ду большой палец вверх.

— Так точно, господин.

От Янь Ди все еще несло алкоголем. Он сказал:

— Но у нас недостаточно людей.

— Пошлите солдат. Ты сможешь сделать все это за три дня?

Янь Ди произнес:

— Как это возможно?

— Нам нужен только общий фундамент, — ответил У Ду. — Через несколько дней нагрянут монголы. Они просто должны быть в состоянии передать сигнал.

— Тогда это просто, — сказал Янь Ди.

— Я выделю тебе людей. Начинайте прямо сейчас. Убедись, что все твои работники — из Е. Отправь письмо в Хэцзянь и скажи Цинь Луну, чтобы он следил за самым последним маяком в цепи.

У Ду написал список имен и велел Сунь Тину отправиться с Янь Ди, чтобы перевести работников. Дуань Лин сказал:

— Ты должен сходить лично.

У Ду указал на небо, имея в виду, что уже слишком поздно, и они не смогут передвигаться в одиночку.

— Я не могу покинуть тебя, — произнес У Ду.

— Это ненадолго. Все будет хорошо. Что важнее — город или этот небольшой отрывок времени?

— Конечно, важнее твоя безопасность, — ответил У Ду.

Дуань Лин был в недоумении: ему придется придумать другой способ решить эту проблему,

подумал он, ведь если У Ду будет оставаться с ним, не отходя ни на шаг, он не сможет ничего делать. Как только они со всем разберутся, им придется перейти в наступление и избавиться от убийц Теневой стражи, иначе в таких условиях они не смогут работать.

— Раз ты веришь, что он придет, значит, так и будет, — сказал У Ду Дуань Лину. — Те огненные быки в тот день казались грандиозной угрозой, но на самом деле им удалось лишь устроить погром в монгольском лагере и убить не так уж много людей. Эти пять тысяч человек в конце концов устремятся сюда.

У Ду посмотрел на карту, висящую на стене.

— Армия Е уже однажды проводила разведку в этом районе. Они оставили свой временный лагерь, так что мы понятия не имеем, где они сейчас прячутся. Нам бы не пришлось решать все эти проблемы, если бы мы могли напасть на них заранее.

— Разделять наши силы сейчас не самая лучшая идея, — произнес Дуань Лин. — Лучший вариант — ждать, пока враг нанесет удар.

Стояла ясная безоблачная ночь. Вдыхая свежий воздух Е, Дуань Лин поднялся на второй этаж и наблюдал за огнями, льющимися из всех окон города вниз. Он стал считать это место своим домом.

Раньше он редко испытывал подобное чувство: в глуши было слишком одиноко, а в городе — слишком шумно. Теперь же, когда он проделал весь этот путь вместе с У Ду, движимый одним лишь рвением, он с удивлением обнаружил, что его охватывало ощущение, будто этот город принадлежал им двоим.

— Что, если Цинь Лун не придет спасти нас, когда монголы нападут на Е? — иногда даже Дуань Лину казалось, что их план держался лишь на честном слове.

— Он придет, — сказал У Ду. — На днях я его хорошенько поколотил. Этот плут умен — он знает, что даже если город падет, мы вдвоем сможем спастись. А если Е будет потерян, то его дни станут очень тяжкими.

На месте Цинь Луна он не хотел бы, чтобы Дуань Лин вмешивался в его дела, но и терять Е ему тоже было бы не по душе: ведь если Е падет, он станет следующим. К тому же он уже убил одного чиновника императорского двора. Если умрет и этот, Цзянчжоу не оставит его безнаказанным.

— Иди спать, — сказал У Ду. — Как только мы выиграем эту битву, я отведу тебя к горячим источникам.

Дуань Лин улыбнулся и вместе с У Ду спустился по лестнице, возвращаясь в свою комнату.

В последние дни накопилось слишком много дел: скоро наступит осенняя жатва, а от гонца, отправленного в Ляо, еще ничего не было слышно, зерна в Е хватит только до одиннадцатого месяца, у них не было даже двухсот тысяч кэйти угля — как они переживут зиму стало самой насущной проблемой.

— Почему у тебя всегда морщина меж бровей?

Ночью У Ду лежал на Дуань Лине, прижавшись к нему. Между бровей Дуань Лина пролегла глубокая складка, и У Ду тоже нахмурился. Их глаза встретились, и У Ду потерся о его нос, целуя в губы.

— Слишком много забот, — прошептал Дуань Лин, развязывая узел на нижней рубашке У Ду.

— Твой господин может позволить себе прокормить тебя, — У Ду обнял Дуань Лина, бережно целуя его.

Заглянув в ему глаза, он добавил:

— И твоих подданных тоже.

Дуань Лин улыбнулся: возможно, предстоящие дни будут очень трудными, но хотя бы в этот момент, отдавшись на время жару его тела, он чувствовал себя несравненно спокойнее.

На следующее утро они по-прежнему крепко спали без одежды; Дуань Лин положил голову на плечо У Ду, его грудь при каждом вздохе двигалась вверх-вниз, а рука обвивала плечо Дуань Лина.

Внезапно дверь их комнаты распахнулась с громким стуком. У Ду тут же вскочил с кровати, выхватил меч и выглянул из-за двери. Тем временем Дуань Лин еще не проснулся. Он перевернулся на другую сторону и продолжил спать.

— Говорят, что каждая секунда ночи страсти стоит тысячи таэлей золота, — раздался голос, — но вы должны простить меня за напоминание о том, что монголы уже почти у ваших ворот.

— Чжэн Янь?! — глаза Дуань Лина резко распахнулись, как только он услышал этот голос. Он сел и, спрятавшись за спиной У Ду, с радостным выражением лица взглянул на Чжэн Яня.

У Ду схватил халат и велел Дуань Лину надеть его, а сам нетерпеливо сказал Чжэн Яню:

— Вон, вон, вон — поживее.

Чжэн Янь путешествовал почти полтора месяца и с головы до ног был весь в грязи. С саблей через плечо и мечом в руке он поковылял в парадный зал.

Вдвоем они встали с постели и умылись. Дуань Лин сиял от счастья — Чжэн Янь действительно здесь! Теперь все в порядке!

Чжэн Янь сидел в парадном зале и почесывался. Крестьянская одежда на нем была уже испачкана до неузнаваемости, рядом сидел еще один человек с таким же несчастным видом.

— Айо, — произнес Чжэн Янь, — так рад меня видеть? Захотелось сменить вкус?

— Убирайся вон! — Дуань Лин, смеясь, подошел к нему и дал пинка.

— Приветствую вас, господин Ван, — поприветствовал Дуань Лина другой человек.

Дуань Лин кивнул и, заметив, что это тот, кого Чжэн Янь привел с собой, спросил:

— Не представишь нас?

— Вы что, не знаете друг друга? — удивленно вскинул голову Чжэн Янь. — Я заметил его на дороге, когда он едва не попал в плен к разбойникам, и решил спасти его. Он сказал, что едет сюда, чтобы получить работу. Как твоя фамилия?

— Моя... моя фамилия Ши.

Мужчина был очень молод, судя по чертам лица, он был даже моложе Чжэн Яня и У Ду, едва ли старше Дуань Лина.

— Ши Ци! — сразу же вспомнил Дуань Лин и, извинившись, шагнул вперед, чтобы взять его за руку и пообщаться. — Наконец-то ты здесь. Должно быть, путешествие было нелегким. По крайней мере, в пути все было без происшествий?

Чжэн Янь произнес:

— Если бы я не спас его, его бы забрали горные разбойники, чтобы сделать одной из своих жен.

— Э-э... — Ши Ци сильно смутился.

Иногда Дуань Лин действительно терпеть не мог Чжэн Яня, и, отмахнувшись от него, сказал:

— Это все моя вина. Хорошо, что у тебя такая огромная удача.

Ши Ци поспешно произнес:

— Канцлер сказал, что вы оставили распоряжение стражникам сопровождать меня сюда, но я подумал, что раз уж я преступник, то не стоит доставлять вам неудобства, господин. Поэтому, учитывая это, я решил уйти сам.

Дуань Лин кивнул. Преступление, которое совершил Ши Ци, было не таким уж серьезным, но и не пустяковым: просто после гибели Чжао Куя судебная система начала расследование на всех уровнях и обнаружила, что Ши Ци присвоил немного серебра, поэтому его заключили в тюрьму, где он дожидался казни. Подобное преступление Ли Яньцю мог свести на нет простым словом, поэтому не было никаких проблем в том, чтобы просить за него императорский двор.

Но эта услуга, по сути, спасла хрупкого юношу от смерти, даровав ему новую жизнь.

Дуань Лин не стал долго болтать с Ши Ци и без промедления вызвал Линь Юньци, чтобы тот вместе с Ши Ци проверил бухгалтерию. Дуань Лин велел ему помыться и сразу после купания приступить к своим обязанностям.

Во время их разговора появился У Ду. Он кивнул Ши Ци, и тот уже собирался поклониться ему, когда У Ду поднял руку и указал на стол, давая понять, что ему следует оставаться на месте. Он сел рядом и ждал, пока подадут завтрак. Стражник принес чай и налил ему. У Ду не произносил ни слова, прислушиваясь к их разговору.

Все они боялись У Ду. Казалось, эта властная атмосфера царила с самого его приезда, как будто он обладал здесь наибольшим влиянием, и Дуань Лин тоже постепенно осознал этот факт.

После того как Ши Ци объяснил всем, что нужно сделать, он ушел приводить себя в порядок и готовиться к работе, оставив Чжэн Яня, У Ду и Дуань Лина в главном зале. Слуги подали им завтрак, и все трое во время еды беседовали.

— Зачем ты сюда приехал? — спросил У Ду.

— Чтобы кое-что найти. Ты знаешь, что это за вещь.

Дуань Лин посмотрел на Чжэн Яня, а затем перевел взгляд на У Ду и спросил:

— Что, Чжэньшаньхэ?

Ни один из них не ответил ему, каждый был погружен в свои мысли. Ну что ж, значит, так

тому и быть, подумал Дуань Лин и не стал давить.

— Надолго ты здесь? — спросил У Ду.

— Пока не найду его, — невозмутимо ответил Чжэн Янь.

Замечательно. Я должен держать Чжэн Яня в Е, подумал Дуань Лин. Тогда У Ду сможет уйти и повести войска в бой. В последнее время, чем больше он размышлял об этом, тем больше ему казалось, что то, что он не подготовился к этому заранее, — действительно было просчетом с его стороны.

— Где монголы? — спросил У Ду.

Чжэн Янь протянул ему сверток из овечьей кожи, на котором еще оставалась кровь.

— Вчера вечером через границу проехал гонец, направлявшийся на северо-восток. Я не могу прочесть, что написано в письме. Можешь взять его себе.

Дуань Лин сразу же взял его и обнаружил, что оно от края до края было исписано на монгольском языке. Это было письмо Бату, в котором он просил одолжить пять тысяч воинов у Угэдэя на западе и через две недели захватить Е.

После того как Дуань Лин закончил перевод, У Ду издал лишь презрительный смешок.

— Борджигин знал, что не сможет взять город за десять дней, поэтому теперь он собирается одолжить немного войск.

— У них пять тысяч человек, — сказал Дуань Лин. — А если они перебросят еще пять, то всего будет десять тысяч. Похоже, он действительно намерен завоевать Е.

Чжэн Янь произнес:

— Гонец умер от моих рук. Похоже, это послание не будет доставлено.

— Посыльных несколько, — сказал Дуань Лин. — Каждый из них уехал отдельно, чтобы их сообщения не перехватили. Я сейчас же напишу письмо Хань Биню и скажу, чтобы он держался настороже. Если монгольская армия пройдет мимо, он должен немедленно устроить засаду.

Если подкрепление Угэдэя захочет прийти на помощь Бату, то, несомненно, оно пойдет через Юйбигуань. Это очень сложный путь — даже его отец, отправляясь в Шанцзин много лет назад,

не поехал через Юйбигуань. В этой местности было очень легко попасть в засаду. Если Хань Бинь захочет, он наверняка сумеет перехватить конницу монголов на пути к Е.

— Но как ты собираешься заставить Хань Биня помочь тебе? — спросил У Ду. — На его месте я бы не стал этого делать.

— Я найду способ, — Дуань Лин поднялся со своего места и стал расхаживать по комнате. — Я просто беспокоюсь, что монголы не нападут на Е, если не прибудет подкрепление. К тому же, даже без подкрепления, с этими пятью тысячами человек, которые есть у Бату, будет трудно справиться.

У Ду отложил палочки.

— На этот раз мы должны оттеснить монголов к северному берегу Сюньшуй. Пока армия, собирающаяся нас осадить, не превышает пяти тысяч человек, я смогу их одолеть. Чжэн Янь, нарисуй на карте путь, которым ты добирался сюда. Охрану поместья я пока оставляю в твоих руках — никому другому я ее не доверю.

Он перевел взгляд на Дуань Лина, и тот на мгновение погрузился в раздумья, а затем кивнул. И вот У Ду взял свой меч и ушел, чтобы собрать совещание со своими сотниками. Очевидно, у него было слишком много дел, и они не терпели ни минуты промедления.

Дуань Лин до самого прихода Чжэн Яня не мог выдохнуть с облегчением. Наконец-то он мог отпустить У Ду, чтобы тот поработал.

— Чему ты улыбаешься? — Чжэн Янь оглядел Дуань Лина с ног до головы. — Так соскучился по мне? Хочешь, давай поцелую?

Наблюдая за Чжэн Янем, Дуань Лин с каждой секундой все больше им восхищался. Он никогда раньше не находил его таким красивым и обаятельным.

— С этого момента оставайся здесь и больше не уходи.

— Если захочешь выйти за меня замуж, я не откажусь, — невозмутимо ответил Чжэн Янь, — если мы поженимся, разумеется, я буду оберегать тебя и никогда не покину. И не буду путаться ни с кем другим.

Дуань Лин произнес:

— Хватит дурачиться, Чжэн Янь. Вечно ты шутишь — как два мужчины могут пожениться?

— В районах Северного Минь в Хуайине мужчины могут пройти традиционную церемонию и

вступить в брак, — Чжэн Янь одарил его откровенно разбойнической улыбкой и сказал. — Они могут даже принести клятву небу и земле. Что, не знал?

Дуань Лин был потрясен — он никогда не слышал о таком обычае.

— Если хочешь, чтобы я остался с тобой, ты должен хотя бы что-то дать мне взамен, разве нет?

— Это единственное, чего я не могу тебе дать. Но если тебе нужно что-то еще, даю слово, ты это получишь.

Чжэн Янь на мгновение задумался, а потом сказал:

— Тогда почему бы тебе не помыть меня.

Дуань Лин потерял дар речи.

Час спустя Чжэн Янь отмокал в большой деревянной бочке во дворе, а губернатор Хэбэя с засученными рукавами и скучающим видом растирал ему спину.

Шелковые перчатки Чжэн Яня лежали рядом с бочкой, и, пока он загорал, его глаза прищурились, обнажая татуировку белого тигра на руке.

— Что означает эта татуировка?

— У Ду никогда не рассказывал тебе?

— Я знаю, откуда она взялась. Но почему твоя на руке, У Ду на шее, а Чан Люцзюня на лице?

— Айо. Ты видел и Чан Люцзюня? Разве не говорят, что все, кто ее видел, умерли? А ты видел Улохоу Му? Может, угадаешь, где она находится?

Хорошо, что я не сказал, что у Лан Цзюнься она на руке, подумал Дуань Лин. Иначе Чжэн Янь точно бы что-то заподозрил.

— Он мой ученик. Я учу его читать и писать сочинения.

— То есть он до сих пор не умеет читать? — добавил Чжэн Янь.

Дуань Лин на мгновение потерял дар речи. Неужели ты пытаешься таким образом вытянуть из меня информацию?

Чжэн Янь засмеялся, как будто ему очень нравилось дразнить Дуань Лина. Он произнес с убийственной серьезностью:

— Место, где наносится татуировка, тщательно выбирается, и нельзя, чтобы кто-то его увидел. Предполагается, что с человеком, который ее увидит, случится только одно — он умрет.

Дуань Лин молча уставился на него.

— Сам подумай, — сказал Чжэн Янь. — Разве У Ду обычно не прикрывает ее своей одеждой?

— Но я видел и твою татуировку, и ты тоже не убил меня.

— Я не могу позволить себе тебя убить. Поэтому все, что я могу сделать, это разрешить тебе смотреть на нее сколько угодно. Иди и принеси мне одежду в моем свертке.

Дуань Лин развернул дорожный сверток Чжэн Яня и обнаружил груды проволочных ежей. Он поднял один из них и поднес к солнечному свету. Он мерцал голубым отблеском яда.

— Не прикасайся к нему, — рассеянно произнес Чжэн Янь. — Хоть твой мужчина и мастер ядов, но, если ты порежешь себе этим руку, он не сможет вовремя вернуться и спасти тебя.

— Я не знал, что ты тоже используешь яд.

Дуань Лин положил ежа на место и достал халат.

— Они не мои, — сказал Чжэн Янь. — Я подобрал их по дороге.

Дуань Лин замер на месте. Ему пришла в голову мысль: а может ли быть так, что это скрытое оружие с ядом на самом деле принадлежало Теневой страже? Неужели Чжэн Янь по пути сюда убил членов Теневой стражи?

Эта мысль промелькнула в его голове и тут же исчезла. Дуань Лин добавил:

— Ты ушел вот так просто? Разве ты не должен оставаться с Его Величеством?

— Его Величество попросил меня уйти. Се Ю позаботится о том, чтобы он принимал лекарство.

Чжэн Янь вышел из бочки, провел рукой по промежности и, похоже, совершенно не заботясь о том, что в комнате находится Дуань Лин, пару раз погладил себя. Дуань Лин сделал вид, что ничего не заметил, и бросил Чжэн Яню его одежду, после чего забрал грязные вещи в стирку.

К тому времени, как Чжэн Янь закончил мыться, вернулся и У Ду. Сегодня было очень жарко, и У Ду весь обливался потом. Он помылся во дворе, поэтому, как и Чжэн Янь, был одет в белоснежное белье, они сидели в главном зале. Дуань Лин посмотрел на У Ду, и тот кивнул ему в ответ, давая понять, что все в порядке и волноваться не стоит.

— Ну, что? — спросил У Ду.

Дуань Лин понимал, что он спрашивал о письме.

— Я проверил данные о солдатах этого города, — сказал Дуань Лин. — Пошлите отряд, состоящий из тех, кто дольше всех следовал за покойным императором, включая Сунь Тина. Они также должны быть бывшими подчиненными Хань Биня. Пусть они отвезут Бэнь Сяо в Юйбигуань и убедят его вместе с войсками перебить монголов. Из духовных соображений Хань Бинь хоть и предал покойного императора, но только потому, что у него не было другого выхода, а не из-за какой-то кровной мести. Тот, кто может стать великим полководцем, должен обладать твердым характером.

У Ду сказал:

— В случае с Бянь Линбаем это не обязательно было так.

— Не думаю, что Хань Бинь так поступил бы, — произнес Дуань Лин. — Он уже много лет служит в Юйбигуань, и всякий раз, когда его имя всплывало при дворе, его почти не критиковали. По логике вещей он не может допустить, чтобы Е попал в руки монголов. Иначе, как только монголы пересекут Сюньшуй, Юйбигуань придется защищаться и с востока, и с запада. Он должен хорошо осознавать этот факт. Что скажешь?

Последний вопрос Дуань Лина был адресован У Ду.

— Пусть идут, — сказал У Ду. — Рано или поздно нам придется вступить в битву. Судя по тому, что я видел сегодня во время патрулирования города, несмотря на то, что все они — ветераны, на настоящем поле боя в реальной схватке они не проиграют монголам. Я бы беспокоился больше, если бы все они были новобранцами. Раньше им не хватало командира, и поэтому они не могли хорошо сражаться. Прежние комендант и губернатор не знали, что делают, и давали бессмысленные указания, поэтому солдаты на них обозлились. Вот почему Е постоянно попадал в одно чрезвычайное положение за другим.

— Меньше врагов всегда лучше, чем больше, — ответил Дуань Лин. — С этого момента и до нового года мы не получим новых рекрутов, поэтому нужно быть осторожными и просчитывать каждый шаг.

— Если Хань Бинь пропустит монголов, — сказал У Ду, — то Е уже не спасти. Это просто вопрос времени. Один город с двумя тысячами человек никак не сможет противостоять монгольской армии. Мы должны отступить со всеми жителями города в Хэцзянь до их прихода

и объединить силы двух городов, чтобы противостоять им.

— Сделаем это в крайнем случае, — произнес Дуань Лин. — Но я думаю, что этого не произойдет.

Сунь Тин отправился с письмом в тот же день, чтобы как можно быстрее добраться до Юйбигуань. Если ничего не случится, то, учитывая скорость Бэнь Сяо, он сможет доехать туда за четыре дня.

— Бэнь Сяо не подпускает меня к себе, — сказал Сунь Тин. — Я возьму с собой больше лошадей, и, если они умрут во время пути, так тому и быть.

Дуань Лин взмахнул рукой, показывая, что ему следует подождать неподалеку. Он погладил по голове Бэнь Сяо и прошептал ему:

— Бэнь Сяо, отведи Сунь Тина в Юйбигуань. Он принесет туда послание, которое спасет нам жизнь.

Затем он предложил Сунь Тину сесть на коня.

Удивительно, но Бэнь Сяо ничуть не огорчился. Он повернул голову и посмотрел на Дуань Лина, как бы недоумевая и ожидая, что он тоже сядет. Дуань Лин поторопил его:

— Давай! Быстро отправляйся туда и возвращайся как можно скорее!

Взяв с собой Сунь Тина, Бэнь Сяо подобно порыву ветра вылетел из Е и направился в Юйбигуань.

В последующие дни Чжэн Янь постоянно находился в поместье, а У Ду — в доме, где планировал стратегию. Два лейтенанта, которых он раньше покалечил, с ранами поднялись с постели, чтобы вместе с ним командовать и тренировать войска.

Дуань Лин несколько раз навестил его. В конце концов, это армия, которую когда-то давно подготавливал его отец, поэтому, когда они начали относиться к делу серьезно, то безропотно выполняли приказы и отлично умели разбивать и штурмовать ряды противника. С первого взгляда было видно, что они участвовали во многих сражениях и знали, как выжить на поле боя.

Большую часть времени Дуань Лин ломал голову, пытаясь придумать, как всем жителям этих двух городов пережить зиму. Он приказал запретить дальнейшую вырубку леса для добычи

древесного угля, чтобы дать возможность деревьям на южном берегу Сюньшуй восстановиться. В данный момент простолюдины уже всю запасались древесным углем. Потребление угля в начале осени было всегда велико, и, если они будут продолжать сжигать его таким образом, он закончится еще до начала зимы.

А еще нужно было что-то делать с зерном... Гонец, которого он отправил в Ляо, еще не вернулся. Если он ехал днем и ночью, то уже должен был почти достигнуть Чжунцзина. Если Бату объявится сейчас, значит, он еще не успел придумать контрмеры.

Похоже, это был самый сложный период в его жизни: до этого ему нужно было только выживать, а теперь он должен был вести всех этих людей и следить за тем, чтобы они все вместе выжили.

Вот что думал по этому поводу У Ду: «Беспокойся только о городе — а атаковать врага и сражаться на поле боя — это мое дело. Если ты должен обо всем беспокоиться, то зачем тебе такой комендант, как я?» Но Дуань Лин все равно не мог расслабиться.

— Хватит волноваться, — в конце концов, именно Чжэн Янь попытался убедить Дуань Лина. С тех пор как он приехал, Дуань Лин всегда ел что-то новое и вкусное. Вчера это был бульон из проваренных бычьих костей, мясной соус из сладкого нашинкованного ножом свиного брюшка с грибами и лапшой, а сегодня — жареные речные креветки с солью и суп из бамии. Дуань Лин выглядел немного встревоженным и вздохнул.

— На самом деле это первый раз, когда он официально возглавляет армию, — произнес Дуань Лин.

Чжэн Янь ответил:

— Как чиновник, занимающий высокий пост, в некоторых вопросах ты должен разделять бремя с другими. Думаешь, У Ду — человек, который не может позволить себе проиграть? Не думаю, что это так. Ты не представляешь, сколько раз он уже проигрывал — он потерял все. И только встретив тебя, он постепенно встал на ноги.

Дуань Лин знал, что Чжэн Янь понимал У Ду даже лучше, чем он сам, поэтому ему осталось только кивнуть. Дуань Лин считал, что, если есть необходимость, он тоже мог возглавить войска, но в одной армии не могло быть двух генералов, как и в одной стране не могло быть двух правителей. Чем давать У Ду идеи, лучше было полностью передать ему бразды правления.

Все эти дни У Ду был так занят, что возвращался только поздно вечером. Дуань Лин ложился спать, ожидая его, а Чжэн Янь сидел во дворе и смотрел на луну, не ступая в свою комнату, пока не приходил У Ду. Когда У Ду возвращался, он, не тревожа Дуань Лина, ложился спать рядом с ним.

На следующее утро, когда он открывал глаза, У Ду уже не было.

Бату и его армия долго не появлялись. Е отправил десять лазутчиков в окрестности для разведки, и несколько раз они находили следы монгольской армии, но где бы монголы ни останавливались, они не задерживались. Они шли извилистыми путями, чтобы посеять смятение в рядах армии Е и не дать им понять, когда начнется битва.

— Чего они ждут? — уставился на карту Дуань Лин, глубоко нахмутив брови.

— Ждут возможности нанести удар, — ответил У Ду. — А что это за возможность, могут знать только они сами.

Погода стояла жаркая и душная. Надвигались тяжелые темные тучи, и казалось, что назревает еще одна сильная буря. Это было не к добру — Дуань Лин стоял на вершине стены и наблюдал за погодой вдалеке. Если начнется ливень, то маякам, которые он построил между Е и Хэцзянем, придется непросто. Дымовые сигналы не смогут работать, если намокнут под дождем.

Кроме того, будет гораздо труднее передвигать армию и вести сражение в грязи. А если монголы решат напасть на город прямо сейчас, это поставит Е в крайне опасное положение.

Было необычайно ветрено. Первая сигнальная башня находилась неподалеку, и многие ополченцы упражнялись в стрельбе из лука внутри города. У Ду выбрал часть мужчин в самом расцвете сил и поручил пяти сотникам и двадцати десятникам из армии Е провести с ними несложные тренировки. Таким образом, они могли пополнить свои ряды еще на две тысячи человек, но у них почти не было времени на подготовку, так что толку от них было не так уж много.

В этом было и преимущество привлечения своих людей — конфликтов с их появлением не возникнет, но Дуань Лин не думал, что это ополчение сможет сражаться с монголами в лоб. Все, что они могли делать, — это охранять город, стоять на вершине стен и запугивать противника.

— Как ты думаешь, когда они придут? — спросил Дуань Лин.

— Завтра будет годовщина смерти покойного императора, — Чжэн Янь не ответил на его вопрос.

— Да, — Дуань Лин отвлекся от своих мыслей. — Я и не заметил, что прошло уже два года. Как Его Величество обычно проводит годовщину?

— Все, что он может делать, — это скорбеть во дворце, — произнес Чжэн Янь, — как еще он может проводить это время?

Дуань Лин кивнул. Вдруг он заметил, что У Ду вернулся в город с сотней людей.

— Ты уходил из города? — крикнул Дуань Лин.

— Слезай! — У Ду поднял голову и обратился к Дуань Лину. — Зачем ты стоишь на стене? Там слишком высоко!

Вот уже два дня У Ду не приходил домой ночевать, а Дуань Лин не знал, куда он исчез: возможно, отправился разведать о передвижениях монголов. Дуань Лин спустился с башни и велел стражникам открыть ворота.

Однако У Ду не вошел в город.

— Я готов к их приходу. Не волнуйся. Возвращайся в поместье. Скоро пойдет дождь, а я собираюсь осмотреть башни-маяки. Давай, ступай домой.

Два дня без У Ду заставили Дуань Лина сильно по нему соскучиться. Он попросил лошадь и поскакал за ним.

— Я поеду с тобой!

У Ду хотел заставить Дуань Лина вернуться, но потом на мгновение задумался и сказал:

— Иди сюда.

Так Дуань Лин и У Ду оказались на одной лошади, а Чжэн Янь остался охранять город. Вдвоем с сотней солдат они отправились осматривать башни-маяки.

— Поднимайте! — прокричал У Ду солдатам у подножия маячной башни. — Выше! Скоро начнется дождь!

Горючее и дрова для зажигания дымового сигнала были уже готовы, и во время дождя солдаты будут переносить все это под навес, чтобы не намочить. Они проверяли башни одну за другой и закончили осмотр шести сигнальных вышек. Время от времени Дуань Лин поглядывал вверх, опасаясь, что может возникнуть какая-нибудь проблема.

— Хотел бы я, чтобы у нас были такие соколы-разведчики, как у монголов, — сказал Дуань Лин, — даже почтовые голуби не помешали бы.

— Твой отец как-то рассказывал мне, — ответил У Ду, — что у них есть лучники, предназначенные для убийства почтовых голубей. Ты замерз?

Налетел сильный ветер, и на город надвинулись темные тучи. На бескрайней равнине У Ду распахнул плащ, окутавший и его, и Дуань Лина. Шлейф мантии развевался на ветру, и боевой конь нес их обоих к горизонту.

— Дождь собирается, — сказал Дуань Лин, — надеюсь, они не нападут на нас в такое время.

— Даже если они придут, мы справимся, не волнуйся. Почему ты вдруг захотел пойти с нами? Соскучился?

Дуань Лин протянул руки, обнял талию У Ду из-под плаща, и они тесно прижались друг к другу.

— Как ты думаешь, мы сможем выиграть эту битву?

— Мы не проиграем, — ответил У Ду, — это владения твоего отца. Он там, в небе, присматривает за нами.

Небо над ними было покрыто множеством слоев темных туч, и со временем они становились только гуще, изредка вспыхивая молниями. У Ду остановил лошадь.

— Начинается дождь. Давай пока вернемся. Остальное я осмотрю завтра.

У Ду свистнул, и солдаты в унисон развернулись и отступили к городу. Неизвестно почему, но у Дуань Лина возникло сильное предчувствие: сегодня Бату нападет на город.

— Докладываю! — солдат помчался в их сторону и прокричал. — Господин Сунь Тин вернулся!

Сердце Дуань Лина тут же подкатило к горлу.

— Ну же! Вперед!

— Докладываю! — когда они достигли места в сорока ли от Е, к ним прибежал другой солдат с донесением. — Пришли вести от разведчиков! Монгольская армия показалась в сотне ли от нас и сейчас направляется к Е!

Наконец-то они здесь!

Вскоре на горизонте раздался громкий раскат грома, и начался ливень. Дуань Лин воскликнул:

— Они идут! Скорее! Пошлите кого-нибудь! Передайте сообщение в Хэцзянь!

У Ду натянул плащ, прикрывая и себя, и Дуань Лина; под капюшоном был виден его красивый и невозмутимый профиль, и он под завесой дождя пустил коня в бешеный галоп.

Е находился в темной пелене. Раздавались раскаты грома и вспыхивала молния — это был последний ливень перед наступлением осени.

— Всем занять позиции! — прокричал У Ду, как только въехал в город. — Готовьтесь к бою! Когда эта битва закончится, мы прогоним всех монголов к себе домой!

Несколько подчиненных У Ду тут же отправились по отдельности, чтобы мобилизовать войска. Дуань Лин и не подозревал, что в мгновение ока он заставил солдат Е подчиниться ему, и уставился на него с изумленным выражением лица.

— Чему ты улыбаешься? — спросил У Ду.

— Ничему такому. Ты хочешь покинуть город, чтобы сражаться?

— Мы собираемся разделиться и устроить засаду, поэтому я могу сегодня не вернуться. Давай вернемся и сначала встретимся с Чжэн Янем.

В поместье губернатора их ждал Сунь Тин, и как только он увидел Дуань Лина, то опустился на одно колено.

— Господин губернатор, господин комендант, я выполнил свою миссию!

Услышав это, Дуань Лин едва не упал в обморок. Положив руку на угол стола, чтобы удержаться в вертикальном положении, он произнес, задыхаясь:

— Это замечательно... замечательно.

Когда Хань Бинь увидел, что Сунь Тин прибыл с письмом, все сложилось так, как и предсказывал Дуань Лин. Монгольская армия отправила несколько соколов-посыльных, и они отдельно передали просьбу Угэдэю. Тот, в свою очередь, отправил войска на подкрепление Бату.

Тем временем Хань Бинь без раздумий двинулся в путь и устроил засаду на монголов у Юйбигуань, а Сунь Тин вступил в бой вместе с ними. В этой битве монголы были разбиты, а путь к Е отрезан. Выполнив свою миссию, Сунь Тин поспешил обратно с этим сообщением и добрался до Е на день раньше запланированного срока. Сейчас войска монголов, где находился Бату, возможно, еще не получили известие о том, что их подкрепление не пришло.

А может быть, он уже знал, поэтому и собрался отважиться напасть на город в дождь.

— Ты отлично справился, — сказал Дуань Лин Сунь Тину, — иди отдохни.

— Это потому, что ваше письмо было убедительным, господин. Генерал Хань, прочитав его, даже не потрудился задать мне вопросы, прежде чем отправиться собирать войска для битвы.

Дуань Лин успокаивающе кивнул, и Сунь Тин продолжил:

— Мы что, собираемся воевать прямо сейчас? Я готов сражаться в авангарде за вас, господин губернатор!

— Нет, — У Ду развернул карту и приказал Сунь Тину. — Ты остаешься в городе и обеспечиваешь поддержку.

У Ду повернулся к Дуань Лину и сказал:

— Мы будем здесь, здесь и здесь. Устроим засаду в этих трех местах.

Чжэн Янь тоже стоял здесь. Он взглянул на карту и произнес:

— Сегодня идет дождь, и не похоже, что он скоро прекратится.

У Ду сказал:

— Я уже послал гонца с вестью к Цинь Луну, и они смогут добраться туда за одну ночь ускоренным маршем. Я выведу войска из города и устрою засады. Когда монгольская армия доберется сюда, мы без предупреждения нападём на их тыл. Вы, парни, оставайтесь в городе и ничего не предпринимайте. Ополченцы будут защищать город, поднимая шум и блефуя.

— Лучше подождать, пока прибудет подкрепление Цинь Луна, прежде чем начинать атаку, — ответил Дуань Лин.

— Мы не можем возлагать на него все наши надежды.

У Ду развернулся, чтобы уйти, а Дуань Лин следовал за ним до самого внутреннего двора. Пронеслась еще одна молния, осветив ночное небо, и отбросила на землю их силуэты.

— Возьми Бэнь Сяо! — сказал Дуань Лин.

Дуань Лин остановился и взял У Ду за руку. Тот, стоя к нему спиной, тоже остановился.

— Главное, будь осторожен, — попросил Дуань Лин.

У Ду повернулся и опустил голову так, что его лоб коснулся лба Дуань Лина, а затем наклонился и поцеловал его в губы.

— Жди, когда я вернусь домой, — ответил У Ду.

Проливной дождь обрушился на землю — словно сама природа стремилась погасить все пожары войны, смыть людские грехи, унести в потоке старую вражду и новую ненависть, очистить ночную тьму, чтобы встретить рассвет нового дня.

— Монголы здесь!

Дун — дун — дун —

Звучали гонги, и все ополченцы устремились к городским стенам, а У Ду вывел армию через северные ворота. Подгоняемые Бэнь Сяо, лошади скакали галопом вперед, и подковы сплошной волной вздымали брызги воды. Со свистом солдаты за его спиной разошлись по заранее назначенным путям к намеченным местам засад.

Снаружи раздавался громкий шум. Дуань Лин стоял в усадьбе, учащенно дыша, и вспоминал ночь падения Шанцзина. Та ночь была дождливой, как и эта, и такой же шумной.

Одетый в темно-красную робу мастера боевых искусств, Чжэн Янь стоял за спиной Дуань Лина, уперев руки в бока, и смотрел вниз, надевая перчатки.

— Что нам теперь делать? — спросил Дуань Лин.

— Без понятия. У Ду попросил меня оберегать тебя. А ты сам не знаешь, что делать?

— Может, понаблюдаем с надвратной башни? — спросил Дуань Лин.

— Конечно. Каким оружием ты владеешь? Я еще не видел тебя в бою. Умеешь сражаться?

Дуань Лин переоделся в простую одежду, засучив рукава, чтобы было удобнее стрелять. Он перекинул через спину длинный лук, а к поясу привязал длинный меч. Гремел гром, лил дождь, и они вдвоем покинули поместье губернатора и устремились к надвратной башне.

Ополченцы, готовящиеся к бою под надвратной башней, толкали друг друга, и время от времени кто-то восклицал.

— Принесите кастрюлю с огнем —

— Где масло?

— Дождь слишком сильный! Я не могу разжечь огонь!

— Губернатор здесь! Отойдите! — громко крикнул Чжэн Янь.

Все на пути самозабвенно встали в строй, и Дуань Лин воскликнул:

— Где лучники?! За мной!

Сотник поспешил вниз, чтобы поприветствовать его.

— Мой господин! Здесь слишком ветрено! Мы не можем стрелять!

У Ду оставил сотню лучников, а остальных солдат вывел из города. Сейчас в городе, кроме лучников, остались только ополченцы. Лучники готовились под руководством сотника и поднялись на башню.

Когда Дуань Лин ступил на лестницу, его чуть не сдуло ветром. Действительно, ветер был слишком сильным, настолько сильным, что дождь шел практически горизонтально.

Присмотри за мной, папа, — тихо сказал про себя Дуань Лин.

— Не ходи туда! — крикнул Чжэн Янь. — Ветер хлещет нам навстречу! Это слишком опасно! Берегись шальных стрел!

— Не надо бояться! — крикнул в ответ Дуань Лин. — Забирайся на вершину башни!

Чжэн Яню оставалось только держаться за Дуань Лина и тащить его вверх по лестнице.

С его появлением ветер усилился, а тучи отошли в сторону; под звон гонгов проносился великий и древний тайфун, его порывы простирались с небес до самой земли, а яростный ветер гнал слои тяжелых дождевых облаков на запад. В одно мгновение восточный ветер казался всепоглощающим, но затем дождь и тучи неумолимо отступали под шквалом, вызванным божественной силой.

Когда Дуань Лин ступил на вершину башни, мир внезапно стал ярче. Разъяренный ветер, отступая, унес бушующий шторм, и на горизонте мерцающей лентой проявилась Серебряная река.

— Зажгите сигналы! — Дуань Лин понял, что дождь прекратился. Надежда еще есть!

Снова зазвучали гонги. Дун — дун — дун...

Монгольская армия устремилась к Е подобно наступающему приливу.

Ветер постепенно стихал. Дуань Лин вышел на надвратную башню, и концы его халата развевались на легком ветерке.

Над его головой раскинулись сверкающие звёздные просторы, открывшиеся после рассеивающихся грозовых туч, а под ногами лежала земля, усеянная лужами.

— Ты опоздал! — Дуань Лин произнес первое, что собирался сказать. Он не мог распознать, кто из монгольских воинов был Бату, но знал, что он должен был быть здесь, у подножия городских стен.

Среди монгольской армии раздался приказ, а затем донесся протяжный крик и однообразный звук убираемого в ножны оружия. Все отступили назад.

Молодой монгольский военачальник сел на коня и остановился перед войском. Он поднял обод своего шлема, открывая взору прекрасные черты Бату.

Бату с ног до головы был облачен в доспехи, и с длинным копьем в руке он остановился на коне перед городскими воротами.

— Я всегда опаздываю на один шаг, — произнес Бату, — но сейчас, похоже, время еще есть.

И вдруг с высокой платформы в центре Е раздался оглушительный грохот — это вспыхнуло гигантское пламя, осветив землю на десять ли вокруг! Свет и жар от маяка застали монгольскую армию врасплох, и все они отступили.

Бату натянул поводья своего боевого коня и сделал шаг назад.

В каждой из бесчисленных луж, сделанных пятью тысячами боевых коней, отражались звезды, сияющие на горизонте. В конце Серебряной реки появился пульсирующий, яркий свет, подобный бушующему адскому пламени, от которого могло загореться все вокруг.

Вслед за этим вдали зажглись сигнальные огни, озаряя долгую темную ночь.

Один за другим костры на сторожевых башнях вспыхивали, словно извилистая небесная дорога, протянувшаяся к горизонту. Монгольские воины перешёптывались — они не раз

видели такое зрелище: когда зажигались огни Великой стены, это означало, что две армии скоро сойдутся в битве.

Тяжёлые тучи над головой расступились, будто рука небесного божества мягко раздвинула завесу тьмы. На грани жизни и смерти, воинственный дух, хранивший эту землю, словно шагал по той самой небесной дороге, приближаясь к полю боя.

Кто посмел вторгнуться в мои владения и угрожать моему сыну?!

Бату повернул голову и громко раздал приказы своему войску.

Монгольские воины подняли луки, зажгли стрелы и направили их в центр города.

— Отойди! — с холодным и безразличным выражением лица Бату прокричал в сторону башни.
— Я не хочу случайно убить тебя!

Но Дуань Лин не испытывал ни малейшего страха. Он тоже натянул тетиву и направил стрелу на Бату.

— Если хочешь взять Е, — произнес Дуань Лин, — тебе придется сделать это через мой труп.

Бату яростно воскликнул:

— Огонь!

Обе стороны одновременно выпустили стрелы.

— За мной в бой!

— Заряжай!

За пределами Е У Ду выступил со своей армией, и войска, сидевшие в засаде, нанесли первый удар!

Наконечник стрелы Дуань Лина сверкнул в свете мерцающих звезд над головой, а позади него пылало пламя маяка; он указывал путь сотне стрел, выпущенных лучниками на вершине стены, которые летели в сторону монгольской армии подобно проливному дождю.

Тысяча огненных стрел поднялась от монгольских войск, освещая Бату, осаждающего город со своей армией, и озаря лицо Дуань Лина, стоящего на вершине надвратной башни.

Стрелы обеих сторон, озаренные мерцающим светом, словно мириады падающих звезд, пронзали ночную тьму, зажигая небо.

В седьмой день седьмого месяца глаза Дуань Лина и Бату сквозь расстояние встретились. Казалось, что все вокруг растворилось, и только они остались стоять по обе стороны огромной реки, издали глядя друг на друга.

Они не знали, когда эта ревушая, бушующая река оказалась между ними, безжалостно отбросив их на два противоположных берега смертного мира, где им больше никогда не будет суждено встретиться.

Седьмое Седьмого. Старая вражда, новая боль —

взгляд тоски, скольким страданиям внемлет?

Седьмое Седьмого. Ненавистен мир смертных:

мимолетны встречи, и вечны разлуки —

так испокон веков.

Во дворце Эпан, кружась, танцовщицы взметнули рукавов шелк*.

В знаменитом саду Чжунгу возвышались нефритовые башни*;

На дамбе Суй ивами древними ладью-дракона влѣк*.

Но не снести печали — вновь поднимается восточный ветер,

и в поздней весне дикие цветы роняют лепестки.

Супруга Юй покончила с собой на берегу Уцзян*.

В огне войны пылал когда-то Красный утес*.

Генерал умер от старости, тщетно охраняя перевал Юмэнь*.

Мысли о годах войны и о тех, кто жил в эпохи крови и страданий, печалят меня; все, что может сделать ученый, — это тоскливо вздохнуть*.

* Строительство дворца Эпан началось в 212 году до нашей эры по приказу первого императора Китая. Он так и не был полностью завершен.

* Сад Чжунгу был построен купцом Ши Чуном во времена династии Западной Цзинь. Его казнили, обвинив в государственной измене, и все его богатства, включая сад Чжунгу, были конфискованы государством.

* Император Суй Ян в свое время построил каналы и посадил вдоль их берегов ивовые деревья, в этой строке рассказывается о его прогулке по ним.

* Та самая супруга Юй из оперы «Прощай, моя наложница». Советую посмотреть одноименный фильм.

* Знаменитая битва в эпоху Троецарствия.

* Речь о генерале Бань Чао, который умер в глубокой старости, охраняя перевал Юмэнь. Хотя умер он не совсем там — а через месяц после отставки в Лояне.

* Стихотворение Чжан Кэцзю.

□Конец третьей книги: Поднимается восточный ветер□

<http://bllate.org/book/15657/1400664>